

ВРЕМЯ-ПРОСТРАНСТВО В ДРАМАТУРГИИ РОМАНТИЗМА

Александра Валерьевна Екабсонс

PhD и.о. доцента кафедры методики обучения русскому языку и литературе факультета гуманитарных наук Чирчикского государственного педагогического университета

Аннотация: *Эпоха романтизма с ее новым содержанием искусства требовала и обновленной формы (разомкнутость времени и пространства, смешение жанров и литературных родов).*

Ключевые слова: *романтизм, пространство.*

По этому поводу исследователь драмы А.Аникст пишет: «Романтическая драма отвергает весь комплекс классицистских принципов: единства действия, места и времени, недопустимость смешения комического и трагического, возвышенного обыденного, высокого и низкого стиля речи. Эстетическая ценность романтической драмы определяется тем, что она отвергает все названные правила» [1; с. 220]. Так, важную роль в становлении романтической драмы сыграло появление пьесы Виктора Гюго «Эрнани», в которой автор изобразил главного героя трагической личностью, отверженной обществом и соперником короля. Нарушая правило единства места, Гюго переносит действие своих пьес в разные пространственные координаты – Франция, Испания, Италия, Англия; из будуара куртизанки во дворец, картинные галереи, могильный склеп, логово бандитов. Единство времени нарушается длительностью событий, которые могут достигать нескольких месяцев. Гуманизм, бунтарский дух, накал страстей, отвага и атмосфера борьбы составляет эстетику романтической драматургии, что не было характерно для драматургии классицизма. Положительный герой – это не аристократ, а человек безродный; галерею отрицательных героев составляет целая вереница чиновников, вельмож и королей. Гюго подменяет условности классицизма другой условностью: из произведения в произведение следует один герой – романтический герой, бунтарь. В русской романтической драматургии помимо бунтарского духа, прослеживаются и некоторые мистические сюжеты. Так, Н.И. Яковкина считает: «Романтическим драмам, как и романам, повестям, была присуща фантастичность сюжета или введение в него ряда таинственных обстоятельств: появление привидений, призраков, всякого рода предзнаменований и т. п. Вместе с тем романтическая драма была скомпонована более динамично, чем классическая трагедия и сентименталистская драма, в которых сюжет разворачивался в основном описательно, в монологах действующих лиц. В романтической же драме именно поступки героев предопределяли развязку фабулы, при этом происходило взаимодействие их с общественной средой, с народом» [2; с. 245]. Романтические пьесы драматургов Кукольника, Полевого, Шаховского черпали

сюжеты из истории России. К примеру, «Рославлев» и «Крестьяне, или встреча незванных» Шаховского написаны на тему войны 1812 года. Русские крестьяне во главе со старостой, который «служит Богу, царю-государю и властям от них поставленным» разбивают неприятеля. Так нарушается нормативность классицистической драматургии, в которой простой человек не может быть образцом для подражания. Антикрепостническая драма, драма бунтарская долго не могла проложить себе дорогу в русской литературе. На протяжении длительного времени господствовали романтические пьесы Кукольника. Драматург Кукольник в качестве сюжетов своих пьес также использовал исторические темы, однако трансформировал их в фантастический мир, где приоритет отдавался преданности престолу и церкви («Рука Всевышнего Отечество спасла»). Позже появляются ранние лермонтовские драмы «Испанцы», «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»), «Странный человек», содержащие резкий протест против социальной несправедливости. Драма же «Маскарад» является уникальным примером романтической драматургии, где бунтарский дух героя противопоставлен безнравственной, порочной, дворянской среде. Но и этот герой трагичен, так не может вырваться из «высшего общества»: он сам является носителем черт «зловредного общества». В романтической драматургии появляется хронотоп враждебного окружающего мира со своими приметам, и хронотоп дома уже не может служить убежищем для героя.

Если в сентиментализме герои, вытесненные из идиллического хронотопа родительского дома на социально-историческое лобное место, добровольно шли на заклание к общественному алтарю, с безмолвным смирением принося в жертву свои чувства, то в романтизме намечается иная тенденция. Романтические герои, в полной мере осознав бессмысленную жестокость окружающих, отказываются покоряться им. Вытесненные из личного мира счастья и любви, из личного времени и пространства, они покидают этот внешний мир, уходя или в смерть, как герои романтических драм Гюго и Дюма, или, подобно Чацкому, в никуда: не так важно, куда; главное – отсюда; «вон из Москвы». Романтический эскапизм предполагает наличие совершенно иного хронотопа, находящегося за пределами времени и пространства пьесы; или, если не наличие, то, по крайней мере, стремление героя найти этот хронотоп, «где оскорбленному есть чувству уголок». В сюжетах сентиментализма также нередко встречается самоубийство, но в сентиментализме оно является актом смирения и самонаказания; в романтизме это акт протеста.

Таким образом, в силу присущего романтизму психологизма и активного противостояния героя по отношению к не принимающему его обществу, хронотоп окружающего мира получает более полное и яркое раскрытие, нежели в сентиментализме. Время в данном хронотопе движется быстро, оно насыщено событиями и подобно стремительно распрямляющейся пружине. Пространство в сцене кульминации обычно ограничено рамками зала, гостиной, переполнено людьми и предметами; эта ограниченность и переполненность давит на героя и душит его.

Романтическому герою тесно в душном пространстве и сжатом времени, он ищет выхода на простор, в пустоту и безмолвие – отсюда любимый поэтами-романтиками хронотоп пустынного морского берега. Но в романтической драме в силу напряженности конфликта герой не может просто уйти к морю – и он уходит в иной хронотоп, не ведомый никому. Следовательно, романтическая драма, сменив классицистическую и сентиментальную, расширила границы времени и пространства фантастическим сюжетом, бунтарским духом героя, нарушением нормативных жанровых границ, но при этом место бытования героя все еще остается реальным, отражающим историческую действительность, а протест против социального неравенства наполняет хронотоп приметамы того или иного исторического периода, что вполне хорошо вписывается в **концептуальный хронотоп**.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникст А. История учений о драме. – М., 2001. – С.40.
2. Яковкина Н.И. История русской культуры. XIX век. – М., 2007. – С. 245.
3. Хализев В.Е. Драма как явление искусства. – М, 2007. – 239 с.
4. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2005.
5. Мустафаева, Л. В. (2023). Эсхатологические мотивы в романе «Generation P» Виктора Пелевина. Та'lim jarayonida raqamli texnologiyalarni joriy etish, 1(1), 79-85.
6. Мустафаева, Л. В. (2023). Лингвокультурологический потенциал рассказов а. П. Чехова в преподавании русского языка как иностранного. Проблемы формирования лингвокультурологической компетенции, 1(1), 75-78.